

.....

**ЭТИКА ПРАВА: НЕ ТОЖДЕСТВО ПОНЯТИЙ «МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД» И
«НРАВСТВЕННЫЕ СТРАДАНИЯ»**

Эйнгорн Н.К.

*Профессор кафедры «Этики, эстетики, теории и истории культуры»,
кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный
университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.*

*Nonna-077@mail.ru
+7 912-2838-000*

В современной правовой теории и практике отождествляются понятия «моральный вред» и «нравственные страдания»: «Моральный вред - нравственные или физические страдания, испытываемые вследствие противоправных действий другого лица (напр., таких, как умаление личного достоинства или деловой репутации путем распространения порочащих сведений, вмешательство в частную жизнь и др.)»[1]

В статье 151 Гражданского кодекса РФ моральный вред также понимается как нравственные и физические страдания, вызванные действиями, нарушающими личные нематериальные права, либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом.

Огромное количество литературы посвящено проблемам компенсации морального вреда, возмещения морального ущерба. Проблемам уточнения понятий «моральный вред», «нравственные страдания» уделяется гораздо меньше внимания и, преимущественно, специалистами в области теории права и практики правоприменения. Но совершенно очевидно, что определение этих понятий должно опираться и на современные этические исследования, в которых преодолевается синонимичность понятий «мораль» и «нравственность», уточняется их не тождество, их специфическое содержание [2]. Ведь начало этому понятийному и содержательному различию положил немецкий философ Гегель, в том числе и в своем, по сути, этическом произведении «Философия права». В данной публикации важно отметить сам факт этого различия у Гегеля, да и у Канта. Ведь категорический императив Канта – это нравственный закон, а не моральный. Специфике моральной регуляции соответствует множество

гипотетических, условных императивов, выделенных Кантом. Более подробный анализ истоков различия морали и нравственности требует большего размера публикации.

Отметим главное в современном понимании морали и нравственности. Мораль является специфическим видом социальной регуляции вместе с политикой и правом. Отличаются эти виды регуляции друг от друга целями, способами и сферами регуляции. Главное назначение моральной регуляции – быть хранительницей общностей: микро и макро, конструктивных и деструктивных. Например, жизнь криминальных авторитетов и руководимых ими криминальных общностей осуществляется «по понятиям». По моральным понятиям криминальной чести, достоинств справедливости, долга и ответственности и так далее. Ни одна общность не может сохранять свою целостность, не опираясь на моральные факторы регуляции. Но в каждом конкретном случае проявляется специфическая моральная правда и специфические моральные критерии. Каждая общность порождает свою мораль как механизм самосохранения.

Моральная культура личности – это культура ее социальной адаптированности, социальной надежности: соответствие объективных социальных требований и субъективного понимания личностью своего долга, ответственности, чести, достоинства, совести, справедливости, дружбы, товарищества, счастья и смысла жизни. Мораль не опирается на материально-экономические и физически-насиленные способы регуляции подобно политике и праву. Ее опора – добрый разум, добрые чувства, добрая воля и общественное мнение. Политика и право также опираются на структуры общественного и индивидуального сознания, но не ограничиваются этим.

Мораль – хранительница социального и личностного не насильственными способами. Поэтому моральный вред причиняется правонарушением или преступлением и обществу, а не только пострадавшему лицу или группе лиц. Моральный вред может не сопровождаться нравственными страданиями, а тем более физическими. Но нравственные страдания не могут породить морального вреда. Как же можно определить понятие «моральный вред», отождествляя его с нравственными и физическими страданиями?

В качестве дискуссионного предлагаем следующее определение: моральный вред – это социальная/моральная дезадаптация личности, спровоцированная чьими либо аморальными и/или противоправными действиями, повлекшими дестабилизацию её социальных статусов экономического, политического, правового, этнического, религиозного, семейного, профессионального, должностного и так далее.

Деадаптация социальная/моральная – это нарушение устойчивости и надежности социальной и индивидуальной жизни гражданина, угроза достижению им благополучия и счастья в настоящем и будущем времени.

Степень морального вреда порождает разные психические реакции на уровне рациональном, чувственно-эмоциональном, волевом, мотивационном и уровне потребностей и интересов. Эти психические реакции могут достигать ощущений боли, муки, страданий как физических, так и моральных, и нравственных.

Определить нравственные страдания сложнее, чем определить моральный вред. Объясняется это тем, что нравственность в отличие от морали относится к сфере духовного, сокровенного и потаённого в человеке. Эта сфера человеческой психики представляет собой метасознание: сознание расширенное, возвышенное, часто сверхрациональное, сверхчувственное, сверхволевое, а, так же надсоциальное и надиндивидуальное. Моральные ценности и критерии изменчивы, относительны, конкретно-историчны. Гуманистический потенциал морали ограничен необходимостью превращать человека из цели и ценности в откровенное средство защиты общности, оказавшейся в опасности во время социальных реформ, революций, войн.

Нравственные ценности относятся к ценностям духовным, вечным, высшим: Истина, Добро, Красота, Мудрость, Вера, Надежда, Любовь. Они критериальны в оценке морали, науки, искусства, религии, права, политики, экономики, прошлого, настоящего, будущего, человеческого и бесчеловечного в человеке.

Нравственные страдания – страдания человеческого духа, сложно поддающиеся рациональной оценке, количественному подсчету. Это страдания ментальные. Как применить правовую оценку, строго рациональную, к сверхрациональной и сверхчувственной боли, когда явно ничего не болит, а человек переживает абсолютное опустошение и бессмысленность дальнейшей жизни, утрату способности стремиться к Истине, Добру, Красоте, невозможность надеяться, верить и любить?! Это – уже не просто пошатнувшиеся социальные опоры и статусы (моральный вред), Это – ускользающая и способная совсем исчезнуть ценность Жизни.

Практическое право ждет от теории более определенной информации и критериев нравственных страданий. Гипотетически, дискуссионно таким критерием можно предложить переживание боли от утраты способности верить, надеяться и любить (что-либо или кого-либо), от утраты смысло-жизненных ориентаций и желания жить. Причины и причинители таких страданий должны быть конкретизированы, классифицированы научным содружеством

правоведов, психологов, этиков, антропологов. Чем сложнее проблемы, тем больше необходимы мультидисциплинарные исследования, мультидисциплинарный синтез.

Еще одним предположением является то, что моральному вреду соответствуют, прежде всего, моральные страдания, а нравственные страдания порождаются не моральным, а нравственным вредом. Физические страдания могут быть спровоцированы и тем, и другим. В исследовании этой гипотезы по синхронизации понятий просто необходим союз правовой и этической теорий.

Литература:

1. Большой юридический словарь. — М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А.Я. Сухарева. 2003.

2. Эйнгорн Н.К. Новая этическая парадигма //XXI век: будущее России в философском измерении: доклады Второго российского философского конгресса: в 4-х т. Т.1. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.- С. 106-109. Эйнгорн Н.К. Культура: этическая, моральная, нравственная// Наука. Философия. Общество. V Российский философский конгресс. — Новосибирск, 2009. — Т. II. — С. 224

3. Эйнгорн Н.К. Не тождество морального и нравственного миров личности. Тезисы доклада в «Материалах Всероссийской научно-практической конференции «Социальная реальность как жизненный мир личности», посвященной 90-летию доктора философских наук, Почетного профессора УрФУ Германа Викторовича Мокроносова. Екатеринбург, 19 ноября 2012года. Отв. ред. Н.П. Коновалова. 0,12 п.л. ISBN 978-5-8295-0172-3. - 309с.